

Максим ВАСЮНОВ

ПУХ В ОКТЯБРЕ

Р а с с к а з

— Мы там друг друга чуть не поубивали.

— И реально не стали стрелять из-за бабульки с мальчишкой?

— Да эта история уже легендой стала. В узких кругах, правда, сам понимаешь...

— Рассказывай тогда. Я же делаю книгу о девяностых. Легенды мне в самый раз.

— Да чё рассказывать, приехали на стрелку...

Странности начались накануне вечером. Я наблюдал за поединком луны и дыма из окна нашей квартиры. Напротив, километрах в двух, за крышами пятиэтажек царапала небо заводская труба. Днем из нее струился белый дымок, но вечером, когда на заводе приступали к ночной смене, белый дым менялся на черный и уже не поднимался хлипкой нитью в космос, а валил со всей дури — густой и мощный.

Я догадывался, зачем на самом деле так старался дым. Я понял это еще лет в пять, это было одно из первых моих детских открытий. Дым пытался закрасить на небосклоне луну. Или даже втолкнуть ее куда-нибудь поглубже, в космос, откуда бы она уже никогда не выкатилась.

В тот вечер дым одолел луну. Это было 30 сентября 1997 года. А на следующий день город засыпало тополиным пухом.

Пух первого октября не удивил горожан. Это я тоже хорошо помню. В том году погода с природой не раз шутили друг над другом: то черешня расцвела, когда еще не стоял снег; то этот самый снег пошел посреди июня, сугробы были мне по пояс; то весь июль, когда обычно в наших краях изнемогают от жары, дули ледовитые ветра.

Горожане ворчали на новый сбой вселенной: «Ну никак нынче не успокоится — видно, к беде с ума сходит». Так же сказала и моя бабушка, закрывая утром форточку — потому что настырный пух за какие-то пару часов успел засыпать фиалки и даже столетники.

Пуху обрадовались только мои сверстники. У отцов с балконов сразу пропали спички. И в другой раз я бы тоже помчался с друзьями палить белые ковры, но в тот день у меня были дела поважнее.

Каждый год мы с бабушкой первого октября, то есть накануне моего дня рождения, ходили на овощную базу. Причина, которая нас туда вела, и сама дорога будили во мне тот трепет, с которым и взрослым я отправляюсь в путешествия.

— Что решали на стрелке?

— Чья база будет. Наши хотели отжать ее у одних серьезных челов.

— Зачем вам база-то овощная?

— Да она на хрен никому не усралась. Что там толку от базы — челнокам с рынка склады только сдавать. Но у базы же был свой железнодорожный путь. А в километре он пересекался с заводским. А это уже железо. Можно на базе было перегружать, фасовать, прятать. Вот за нее и рубились тогда.

— Так, понял. И вот вы поехали на базу...

— Ну да, забились где-то под вечер. А я ж говорю, почему запомнил-то еще, пух тогда пошел. В октябре. В тот год все с ног на голову было. То снег летом, то пух в октябре. У нас мужики суеверные, даже хотели в отказ пойти, мол, давайте на другой день перезабьемся, но папа сказал — едем.

— А как вообще стрелки проходили тогда? Можете рассказать на примере хоть с той же овощебазой?

Мы вышли из подъезда своей серой пятиэтажки где-то около трех часов дня. Путь наш шел по хорошо знакомому мне тротуару — по этому потрескавшемуся асфальту я каждый день ходил в школу. Слева стеной стояли тополя. Наши с бабушкой ноги вязли в белой кашнице, пух летел в глаза, в рот и постоянно забивал носы, бабушка часто чихала и говорила: «Вот же саранча, вот напасть-то».

Тротуар обрывался у ларька. В девяностые годы этих ларьков поставили на каждом шагу, в каждом дворе. Небольшая застекленная коробка, из которой торговали жвачками, рулетами, конфетами, газировкой, водкой в баночках, бренди в красивых бутылках, пивом, орешками... Помню, наш ларек постоянно взрывали и сжигали — обычное дело для того времени, но вместо старой коробки всегда вырастала новая. И вот я уже снова бежал за малиновым «Юпи» или жвачкой «Турбо».

Сейчас же мы проходили мимо и я на витрину даже не оглядывался, потому что впереди меня ждало то, что заменяло и порошок, и картинку с машинкой, да и весь этот ларек со всем его содержимым.

За ларьком вырастали двухэтажные бараки, в одном был наркодиспансер. Хилые домишки скрывались за самыми старыми в районе тополями, их знали все мальчишки. В сезон пуха именно сюда сбегались толпы хулиганов. Спичка влетала в море пуха, а мы — на те же тополя, ведь волны огня мгновенно заполняли всю улицу, окружали деревянные бараки, расплзались в глубь дворов!

Сотрудники и пациенты диспансера каждый раз орали на нас благим матом, но мы, едва пуховый покров таял под нашими ногами, сразу же давали деру к своим пятиэтажкам. А если пламя уж сильно пугало нас, то бежали к ближайшей колонке — она была через дорогу — и все вместе наваливались на рычаг, надеясь, что вода потушит округу.

К счастью, у пуха, как и у разлитой водки, есть хорошее свойство: после того как их подожгли, они быстро исчезают и практически не оставляют следов — та корка желтых ядрышек, в которые превращается пух, не в счет.

Сегодня же возле наркодиспансера не было никого: зачем сюда бежать, если нынче везде навалило так, что жги — не хочу. Не скрою, в моем правом кармане зачесалось, там лежал коробок спичек. Какой нормальный мальчишка удержится, чтобы не подпалить всю эту осеннюю перхоть! Но я знал, куда мы идем и зачем идем, также я хорошо знал строгий нрав своей бабушки, которая мою шалость могла не оценить, и мы бы тут же вернулись домой, тем более что идти наперекор пуху бабушке становилось все тяжелее.

По-пацански стыдно признавать, но пришлось смиренно пройти мимо старых тополей. В окне первого этажа я увидел седого сторожа диспансера, деда Ерему, так его звали все вокруг, который гонял нас обычно пуще остальных, но в этот раз он явно не понимал, где все шалопаи, почему они не приходят, что же случилось? Я, наверное, был его последней надеждой на то, что мир не изменился, но я подвел старика.

У колонки, которую мы часто летом использовали как пожарный брендспойт, мы с бабушкой свернули в частный сектор. В один из его переулков. Впереди было метров пятьсот до леса, а за ним — овощебаза.

Этот переулок был сейчас чуть ли не единственным местом, над которым не кружились тополиные блохи. В огородах за гнилыми заборами росли другие деревья — яблони и груши, на многих еще были видны красные и желтые, практически все с червоточинами, плоды.

В переулке бабушка вздохнула спокойно. Даже на пару минут остановилась, чтобы перевести дух.

Я же, помню, воспользовался моментом, чтобы заговорить с ней — мне почему-то очень хотелось говорить всю дорогу, — разговор, как мне казалось тогда, укорачивает время. С чего начать, я тоже знал.

— Да-а, теперь не то, что раньше, — вздохнул я тяжело, хотя, как было «раньше», я не помнил, но к своим девяти годам уже точно знал, как лучше всего вызвать взрослого на диалог: начать говорить его же словами.

— Да что ты! — попалась в мою ловушку бабуля. — Тут и сравнивать нельзя! Какой был колхоз, один из лучших в Союзе, все развалили, настроили этих лачужек, ветер дунь — и развалится.

Я оглянулся на всякий случай, вдруг и вправду увижу, как падает дом, но дома стояли, яблоки висели, в конце переулка вертелись белые вихри.

Дальше бабушка говорила то, что я и сейчас перескажу за нее наизусть.

— Я с двенадцати лет работать пошла — война же была. Четыре утра, а я уже на работу иду. Носила почту. Пешком через весь город.

Никогда у меня часов не было. Всегда сама вставала. И никогда не опаздывала, можешь себе представить. Да что там говорить, тяжело было, очень бедно жили, нищими были. Даже хуже, чем теперь, хотя и сейчас... А, что там говорить. — Как всегда на этих словах, бабушка взмахивала рукой, хмурила свои черные брови, поправляла шпильку, держащую пучок ее седеющих темных волос.

В тот день волосы бабушки были осыпаны снежинками пуха, я иногда поглядывал на них — когда же растают? — но они все висели как-то смиренно и виновато, не дрожали, прилипли к седине как мертвые.

Ну а дальше бабушка рассказывала про то, как после войны, закончив к тому времени всего четыре класса, смогла устроиться в трест, попала на овощебазу, где жили все дружно и весело.

Что такое «весело», я тоже знал и, чтобы разговор наш не прерывался, попросил бабушку в сотый раз рассказать, как она однажды подшутила над своей подругой, прилепив к ее платью соединенные нитью картофельные очистки. Когда я представлял себе это, я каждый раз буквально покатывался от смеха.

Сейчас мне, тридцатилетнему, уже не смешно. Но я этому факту не сильно рад.

После истории про картофельные очистки бабушка непременно начинала рассказывать, как гоняла пьяных грузчиков, которые никогда трезвыми на работу не приходили. А нужно было каждое утро развезти по всем школам, ресторанам, столовым района продукты.

«Плюнешь на этих дармоедов, и на себя мешок да ящик. Грыжу вон заработала — еще и сорока не было». На грыжу бабушка жаловалась часто и показывала куда-то в район живота, я лет до двенадцати думал, что грыжа — это пояс, который привязывается к человеку за какие-то заслуги.

«Но работали все-таки дружно, ничего не скажешь. Как одна семья. И свадьбы общие, и юбилеи, и похороны. Когда вместе-то, тогда все же переживное». Слово «переживное» бабушка любила, но я тогда не понимал, что оно значит.

Помню, именно после «переживного» я решил поговорить с бабушкой про луну, которую заволокло дымом.

— Бабушка, я видел, вчера дым съел луну, а сегодня пух, и ты думаешь, что это не конец света?

Тут бабушка почему-то рассмеялась! Она так смеялась, что даже остановилась. Редко когда я видел ее такой. На ее висках проступили три длинные морщинки, другие морщинки, потоньше и покороче, побежали от глаз — в разные стороны, как лучи на детских рисунках. Она смеялась долго и потом обняла меня, прижала к своему плащу — как сейчас помню — голубому болоньевому.

— Ну пойдем быстрее, — сказала она.

И мы пошли быстрее.

— Нет, ну как, стрелки были. Раз на раз не приходилось. Но вот, смотри, папы забились. Им надо порешать,

договориться. С базой мы тоже хотели договориться. Культурно послать партнеров. (Смеется.) У нас была самая мощная бригада. Мы могли себе позволить культурно разговаривать. (Смеется.)

Ну, приехали, значит, на базу. Решили так: если папа наш с их папой не договорится, то дает знак, я уж сейчас не помню какой... А, вспомнил. Короче, если все ок, то он жмет руку их главному, если нет, то по бурке, по плечу, ему стучит. Тот в бурке всю дорогу ходил, даже летом.

— И что вы должны были сделать, если по бурке?

— Так чё, у нас у всех калаши в багажниках лежали.

— Так просто?

— Ну да.

Пауза.

— Нет, ну обычно хватало двоих-троих уложить, остальные сразу руки кверху, мол, давайте еще поговорим.

— Но они же тоже не с кастетами приехали, наверное?

— Так у всех калаши были. Ну, тут либо мы кого-то из их положили бы, либо они кого-то из наших. Тут нервы все решали.

— А те двое, папы которые?

— По папам не стреляли. Это запахло. Не по понятиям.

— Какая-то показательная войнушка.

— Ага, Бородино. (Смеется.) Но пап хреначили как раз показательно. В центре города. Или в кабаке. Чтоб шумно было. А на стрелках так, только мясо.

— И много тогда парней гибло?

— Да каждый день, считай.

— На стрелках?

— Не, ну чё сразу на стрелках. В кабаках тех же. Да мало ли где, у девок там...

— Ну и вот вы приехали на базу, условились о сигнале, дальше что было?

— А чё было, приехали, те уже на месте, не помню сколько их было, но нас явно больше. Мы так попржижали их мягко, чтоб, если чё, не рыпнулись. Ну и стоим, пух глотаем. Папы ушли разговаривать. Долго стояли. Но потом оставили по человеку с машины на улице, а сами внутрь. Пух, собака, хуже дождя в тот день хреначил, откуда только взялся, падла.

— Ну а в какой момент-то бабушка с ребенком заявись?

Частный сектор уже оставался за нами. Впереди снова начинались тополиные заросли. Чем ближе мы подходили к ним, тем все больше нас забрасывало пухом, и это были не те прозрачные легкие пушинки, что

кружились в городе, а серо-желтые спрессованные ошметки; они и не кружились вовсе, а летели по наклонной, будто кто установил в тополиных кронах гигантский вентилятор и направил его на прохожих.

Кто-то явно не хотел, чтобы мы продолжали свой путь.

Когда мы зашли в рошу, то это уже была метель. Кутига. Я хотел разглядеть слева за кустарником шиповника зеленый прудик, куда мы бегали с друзьями ловить банкой мальков, но все пространство было занесено толстым белым слоем. Едва угадывались лишь очертания давно заброшенной ржавой узкоколейки, которая когда-то соединяла овощебазу с заводской столовой. Узкоколейку давно начали разбирать. От нее осталось от силы метров сорок. Еще осталась чугунная дрезина — бог весть почему ее не вывезли. Мы всегда пытались сдвинуть ее с места. Она тяжело скрипела и хоть неохотно, но поддавалась. Вся поляна, окруженная лесом и деревянными заборами, оглашалась стонами железа: оставьте меня уже в покое, я ничего не хочу. Но разве могли мы, мальчишки, понять тогда эту песню?

Дрезина сейчас тоже была под белой шубкой, лохмотья пуха падали на чугун, что-то он принимал, но многое сметалось ветром — поэтому слой становился то тоньше, то толще, — и все это происходило так быстро, что издали казалось, будто дрезина дышала.

Но вот уже и роща заканчивалась, сквозь метель проглядывал бетонный забор огнеупорного завода, это прямо и слева. А справа уже шел забор овощебазы — из металлической сетки, местами дырявой. В те времена все заборы были такими.

До проходной оставались считанные шаги. Уже показались ворота, будка с охраной. Всегда, когда мы подходили к базе, бабушка брала меня за руку, крепко сжимала. И ускоряла шаг.

И всегда навстречу нам с лаем выбегали собаки. Сегодня они тоже выскочили — но было видно, как им тяжело передвигать лапы, даже лапали они через раз. И то больше на пух, что лез им в нос, в глаза и смешно свисал с ушей.

— Цыц, разорались! — прикрикнула на них бабуля. Собаки остановились, уставились на нас, вяло закачали хвостами, переглянулись и побежали обратно, так же через раз подавая голос — но уже дружелюбно, как бы предупреждая охрану: свои.

Я помню, что собак с базы я никогда не боялся, хотя обычно другие приводили меня в ужас и оцепенение. Видимо, все дело в том предвкушении, которое завладевало мной — ведь через какие-то несколько минут мы купим то, без чего я уже не представлял свой день рождения. И обратно пойдем хоть и с грузом, но с чудом! А потом наступит завтра, и все это мы будем аккуратно кушать! Но это завтра, а сейчас мы зайдем на один из складов, я сам выберу себе свой подарок, постучу по нему с умным видом, аккуратно подниму и отнесу на весы... И никакие собаки не испортят радости от этой встречи!

Так было всегда до того дня. И после. Но в том году — все же странный год, говорю вам — случилось нечто непредвиденное.

Первое, что заметил даже я, — распахнутые на улицу ворота. Такого не было никогда. Они обычно закрывались.

— Кто-то загружается, что ли? Так днем не должны вроде, — сказала бабушка. Я почувствовал в ее голосе обеспокоенность.

Второй тревожный звоночек — охранник, которого в прошлые разы было не добудиться, нынче сам ковылял навстречу.

— Васильевна, ты? — Бабулю многие знали в лицо.

— Я, я, Гриш. Идем вот, с внуком.

Охранник немного замялся, в эту секунду он был похож на псов, что встретили нас на пару минут раньше.

— Васильевна, там это. Ты бы пришла позже. Чего в такую рань-то?

— Какую рань, ты чего, проспий иди! Под вечер уже. Куда раньше? А что, у вас пожар, что ли?

— Да нет. — Охранник опять замялся, зачем-то слазил в передний нагрудный карман, но ничего не достал. — Там эти, стрелка у них. Никого не пускать сказали.

— Да срать мне, кто там! — Бабушка иногда умела сказать резко и аргументированно. — Я с внуком раз в год хожу, что, не имею права? Если бы не внук, дорогу бы давно забыла. Глаза бы мои все это не видели. Такое предприятие загубили!

— Васильевна! — уже прикрикнул охранник, в надежде, видимо, остановить нас.

— Чё Васильевна? Чем я там помешаю? Зайду куплю и выйду. Подождут, кому надо. — Бабушка становилась все убедительнее, и охранник не смог ничего сделать.

Когда я стал старше, я часто вспоминал тот момент и все думал: почему бабушка пошла? Может, она не знала, что такое стрелка? Вряд ли. А впрочем, она всегда была бесстрашной — ребенок войны.

Мы прошли в открытые ворота. И тут бабушка встала как вкопанная. Вся площадь базы была усеяна машинами, то были разноцветные «шестерки», «семерки», «девятки». Многие без номеров — я почему-то сразу обратил на это внимание.

— Так никто не понял, откуда они взялись и в какой момент. Охранник, лопух, пропустил как-то. Надо было своего поставить человека. Но кто ж знал, что кто-то к нам рыпнется. А тут, смотрю, идет, халат, что ли, на ней был какой, не помню. Или плащ. Мальчугана за руку держит. Ну, все давай шутить, что это глава мафии приехала, всем кранты сейчас, что надо проверить — не прячет ли калаш за спиной. Что ребенка взяла, типа, для отвода глаз. Кто-то давай глумиться, что бабушка на кладбище шла, да перепутала, сквозь пух не разглядела. Ну, в общем, всякую дурость собирали. Но я смотрю, наши бригадиры занервничали. У нас на каждые человек десять был свой главный. И вот они на измену подсели — если чё начнется, чё делать-то

с гостями этими? Кто-то, помню, попытался что-то бабушке сказать, да ей пофиг было, непуганая какая-то — чешет себе на склад, как домой.

Вихри пуха падали на белые, вишневые, черные крыши. У некоторых машин стояли мужики, курили.

— Устроили тут, дармоеды, — выругалась бабушка и, по-прежнему крепко держа меня за руку, двинулась в «толпу» машин.

— Не смотри по сторонам! — прикрикнула она на меня.

Но как было не смотреть! К тому же бабушка с маленьким мальчиком тоже вызвали любопытство у «дармоедов». Из машин вывалилось на улицу еще больше мужиков, некоторые зачем-то открыли багажники.

Кто-то ухмылялся, кто-то ржал, кто-то даже присвистнул.

— А ты куда, бабуль? — спросил в спину гнусавый голос.

Я чуть было не обернулся.

— Смотри под ноги, — сказала мне бабушка. И, не отвечая гнусавому, пошла дальше.

— А у тебя там чё под плащом, автомат? — не унимался все тот же голос.

Но бабушка все молчала.

Из очередной машины вышел амбал. Его перекачанное тело обтягивала синяя олимпийка. Он встал на нашем пути.

— Вы куда? Тут пенсии не выдают.

Вокруг загоготали.

— Заткнись. А то я тебе сама выдам! — с ходу ответила бабуля и, оттолкнув амбала рукой, чего тот явно не ожидал, добавила: — Отцепись, я до склада.

Амбал молча отошел. Я не выдержал и, подняв голову, заглянул в его глаза. Абсолютно безобидные. В них не было злости, не было грусти. В них не было ничего. Но мне почему-то стало страшно. Я тогда не понимал, что происходит, лишь детская интуиция подсказывала: лучше от этих парней держаться подальше.

Бабушка часто говорила мне, когда без настроения глядела в окно или прислушивалась к крикам забудыг и наркоманов в нашем подъезде: «Тревожно мне». Чего тревожно, не понимал я, мы же в квартире, за дверьми и стенами, в нашей крепости.

И только тогда, на овощебазе, я понял, что такое «тревожно мне». Воздух был пропитан этой самой тревогой, напряженностью, даже пух здесь был тяжелее и навязчивее, и казалось, что он не просто скользит по щекам и губам, а царапает их.

— Она не понимала, что происходит? Или ей реально было по барабану на вас?

— Да потом, как выяснилось, у нее конкретное было дело. Ей надо было купить внуку подарок. Это уже потом одна баба рассказала, которая там работала. Также

дура — накинулась на меня вдруг, давай дубасить, пересрала, видимо.

— Какая баба?

— Да говорю — с базы. Работала там.

— А чё набросилась-то?

— Да спроси ее, дуру пьяную. Может, испугалась, что мы сейчас завалим всех.

— А вы могли?

— А чего нет-то?

— И бабушку с внуком?

Пауза.

— Тут-то и вышла засада.

Десятки пар глаз смотрели за каждым нашим шагом, амбалы дышали в наши спины, словно подгоня голубой бабушкин плащ — как парус. Запах курева становился все невыносимее, кружил голову. И этот проклятый тяжелый пух...

Если бы не завтрашний день рождения, я бы первым увел отсюда бабулю.

Но она шла к складу, не подавая виду, что боится. И только по ее влажным ладошкам я понял, что ей тоже страшно.

Склад — железный ангар, как назло, оказался запертым. Но рядом с ним на деревянном поддоне лежало то, ради чего мы пришли.

За поддонами стояло кирпичное здание, большим окном оно смотрело на ангар. Бабушка обошла ящики и забарабанила по стеклу.

— Девочки, девочки, есть кто? — кричала она. — Выйдите на минуту.

Десятки глаз по-прежнему настроженно следили за нами.

Меня это так напрягало, что я даже не глядел на любимое лакомство.

Бабуля продолжала стучать по стеклу:

— Девочки, да выйдите кто-нибудь, это Васильевна.

В окне появилось женское лицо в кудрявом парике. И лицо, и парик были мне знакомы. Это тетя Галя. Она всегда встречала нас. Тетя Галя махнула нам рукой и вскоре вышла.

— Как вы дошли-то, у нас вон чё. — И тетя Галя кивнула в сторону площади. Она была пьяна, это даже я заметил.

— Чего им? — спросила бабушка.

— Да ясно чего, вон сидят за душевыми, — тетя Галя мотнула своими кудрями в сторону деревянных сараев, — решают. Суки. Ой, прости, малой.

— Никому житья нет. — И бабуля тяжело вздохнула.

— Тебе какой? — перебила этот вздох тетя Галя.

— Хорошие? Астраханские?

— Васильевна, ну ты чё, все для тебя, — и тетя Галя нагнулась над поддоном, начала счищать с зеленых корок пух, — во насыпало нынче! — Она провозилась с минуту, прежде чем опомнилась. — А, вот, нашла.

Смотри! — Тут тетя Галя потянула за маленькую сухую веточку и отделила ровно половину гигантской ягоды.

Яркая красная мякоть полоснула по глазам, запах — этот пьянящий запах дня рождения! — ударил в нос. Вот оно! Ради этого момента мы шли пешком на овощебазу, пробираясь через тучи пуха и толпу бандюганов.

И те и другие от нас не отставали и сейчас. Мужики сверлили нас взглядом, а пух — как бешеный — полетел на красную мякоть. Первые пушинки падали на влажное нутро ягоды и таяли, как первый снег, но довольно быстро пух взял верх.

Точно так же сегодня ночью дым заволакивал луну.

— Ну чё, берешь? — Тетя Галя наконец подняла на бабулю глаза.

— Давай вон тот, он кило на пять, нам хватит. — Бабушка указала на ягоду, лежащую рядом с разрезанной, бока у избранницы отличались желтизной.

— Сейчас взвешу, — обрадовалась чему-то тетя Галя и снова нависла над поддоном.

И тут площадь за нашими спинами взорвалась. Загудели машины, захлопали двери, кто-то начал орать благим матом, врубилась на всю катушку музыка.

Бабушка выпустила мою руку. Но тут же прижала меня головой к плащу. Я онемел. Мне хотелось плакать, но я забыл, как это.

Шум становился сильнее. Все стучало, скрипело, вопило. И будто что-то лопнуло над овощебазой — нечто гигантское, возможно само небо.

Я почувствовал, как что-то лопнуло и у тети Гали. Или, правильнее сказать, екнуло. Я больше нигде и никогда не слышал этого звука, так что и описать не могу. Но это именно екнуло.

И тут тетя Галя побежала к толпе, а впереди нее бежал ее мат, дикий, истошный, грозный.

— Суки бесстыжие, отморозки! Дайте хоть люди выйдут! Свиньи!

Я не утерпел и оторвался от бабушкиного плаща. Мне вдруг захотелось побежать за тетей Галей и тоже орать и материться. И рыдать. Но бабушка успела схватить меня за руку.

Тетя Галя добежала до первого бугая и давай колотить того руками по лицу и груди. Он отшвырнул ее на землю.

Все вдруг стихло.

И только пушинки скрипели, сталкиваясь друг с другом. Мужики растерянно смотрели на тетю Галю, на нас, на душевые. Возле них хмуро топтались на месте два мужика, я не успел разглядеть их, но запомнил, что на плечах одного висела черная бурка.

— Ну значит, бабка с мелким — к складу. Стоят там, выбирают. Тут папы выходят. Ну, и наш того по плечу, по бурке по его, стучит. Все ясно. Мужики — из машин. В багажники. Калаши — в руки. Те тоже повыскакивали. Видно, у них тоже свой сигнал был. Все орут, очко у всех играет,

все и пиф-паф хотят, но и ссыкотно в то же время, в тебя же тоже могут пиф-паф. В общем, молодняк шумит, понт нагоняет. А бригадиры наши, смотрю, машут что-то папам, и руками так — в сторону склада, мол, глядите. И тут наш папа руку — вверх. Это значило — стоп, успокаиваемся, парни. Но я не видел, это мне потом рассказывали. Я-то с шальной этой дурой разбирался, не то Зинка, не то Галка, не помню уж, но потом мы с ней часто виделись, когда на базе уже остались, у нас же там и спортзал потом был, и такая база, в общем. Не только овощи хранили с фруктами, как ты понимаешь.

Ну вот накинута на меня, харю царапает, я ее — на землю. В этот-то момент все и успокоилось.

— То есть получается, если бы не бабка с пацаном, то кого-нибудь бы в тот день положили?

— Так мы и думали, что еще положим. Паузу только взяли же. Я лично уверен был: эти — за ворота, мы — за калаши.

— И почему не продолжили?

— Ты человек вообще?

Тетя Галя вся в слезах побежала назад. Она крикнула нам: «Уходите скорее!» — и скрылась где-то за ангаром.

И мы пошли скорее.

Снова сквозь толпу... Мимо тяжелых взглядов. Мимо прокуренных салонов и ревуших магнитол. Мимо скрежета зубов.

Сквозь взбесившийся не по сезону пух.

— Ну как, мы стоим, смотрим за бабкой с мальчишкой. Вот они обратно заковыляли. Тащат что-то тяжелое в сумке. Мальчишка тащил. Бабке не дал. А сумка больше его. А мальчишка такой хороший, знаешь, вот дети бывают, как в рекламе показывают. Не злой, любопытный, все по сторонам зыркает, все интересно, но без жестокости, не волчонок, а как вот объяснить... Ну, в общем, светлый такой человечек. А одет — господи, как сейчас помню. В обноскох каких-то. У нас бомжи на станции лучше одевались. Все ишито-переишито, иштопано-переиштопано. На ногах обувь «прощай, молодость», суконные такие полуботинки, неудобные — капец, ты, наверное, таких и не помнишь, а наше поколение помнит.

— Да помню как раз, помню.

— Да и сама бабуля тоже смешная такая, забавная. Видно, что страшно, но глазом не повела. Смотрит львицей, за мальчугана готова броситься на любого. А одета тоже кое-как. Ну и, в общем, что-то тут переклинило папу

нашего, а он сам же с бабушкой воспитывался, потом и детдом успел пройти. Ну и все, чё, я его лично понимаю. Какая тут стрелка уже. Накатило, вспомнилось. Смотрим, бабушка с мальчишкой вышли, все давай суетиться сразу, но не так чтоб рыпнулись. Без резких движений. Мужики потом говорили, что у многих ком в горле встал. Смотрим на нашего — а он уже этому блатарю руку пожимает. Все понятно. Отбой.

Мы прошли железные ворота и дальше — мимо стыдливо улыбающегося охранника, мимо собак...

Сквозь аллею, на которой, я был тогда в этом уверен, родилось все это полчище пуха, тяжелого, наглого. Октябрьского.

Мы шли молча. И было слышно, как стучит бабушкино сердце.

И рука ее стала заметно меньше, маленькая сухая ручка.

Я держал ее очень крепко.

Не отпускал, даже когда пух набился за мой воротник. Щекотал и царапал шею.

И только дома я спросил:

— Это были бандиты?

— Да кто их знает, ушли целыми, и слава богу! — ответила бабушка. — Иди руки мой.

— А чё не догнали-то эту бабулю с внуком?

— Да чё-то закрутились. Потом эта баба-то шальная с базы рассказала, что это, оказывается, уважаемая была старушка, кладовщицом работала, заведующей. Одна внука воспитывала.

История прогремела. У всех, чё, язык-то как помело. Разнесли. Но народ нормально воспринял. С пониманием. На авторитете папы никак не сказалось.

К тому же базу мы же все-таки отжали. Потом. Да и мальчишка тот, я смотрю, тоже не подкачал, в люди вышел. Бабушка бы им гордилась. (Улыбается.)

...В ту ночь я долго не мог уснуть, так было всегда накануне дня рождения. Представлял, как завтра открою холодильник, а там мое чудо, красное, астраханское. Когда наелся предвкушениями, заглянул в окно, но за ним было скучно — дым в этот раз не воевал с луной.

Часам к двум пошел сильный дождь. Под него я быстро отключился.

Утром пуха на улице почти не осталось.